ДЕПРЕССИЯ

Где ты, где ты, мой доктор Живаго?
Исцели стихоплёта живого.
На плаву ещё держит бумага,
и не тонет соломинка-слово.

Помоги мне, мой доктор Живаго,
не задерживайся у порога.
Ещё бродит моей жизни брага,
оттяни же приход эпилога.

Я хочу ещё, Юрий Живаго,
станцевать аргентинское танго,
а не танго, так жок или жигу,
под форшлаги эстрадника Дранги.

Персонаж ты, и только? – Живаго?
От тебя не дождёшься подмоги?
Всё равно монолог мой во благо,
отступили на время тревоги.

Я и сам оклемаюсь, Живаго,
раз не все я закончил эклоги,
до конца не написана сага,
рановато итожить итоги.

Понимаешь, дружище Живаго,
просто я в состоянии грогги,
хоть не пил я горячего грога,
вот такая, Живаго, бодяга.

В том уверен я, доктор Живаго,
что станцую с блондинкою танго,
а быть может, с брюнеткою жигу,
и нам сбацает Петечка Дранга.

ЗАКАТ

Небесный Лувр свои смарагды звёзд
пришпиливает к синим ламбрекенам,
а Гончих Псов свисающая гроздь
декором служит тёмным мизансценам.

Ещё не ночь, покуда льёт чугун
Ярило из своей суфлёрской будки,
а полумесяц, словно Гамаюн,
вещает, что грядут другие сутки.

Течёт с востока сизый мельхиор,
переполняя неба окоёмы.
Пронзил рапирой дальний метеор
Млечь-Путь бездонный, вечностью влекомый.

МЕТОДА

Задрав штаны, бежать за авангардом,
простите, мне уже не по летам.
Плетусь я где-то в арьергарде,
плетусь неспешно, по пятам.

В различных «-измах» я не дока.
Моя метода – примитив:
смотреть на мир не однобоко,
зреть негатив и позитив.
Да тем не воровать у Блока,
искать, искать свой лейтмотив.

Косить под Бродского нелепо
(таких умельцев – легион).
За образец приняв: «Не лепо...»,
не бяшеть классикам вдогон.
А если вторить, то не слепо,
хоть в чём-то быть – из ряда вон.

Скальп не снимать со словоформы
(я ведь не Хлебников – увы!),
не учинять лихой реформы
правописаний. Таковы
мои каноны. Сдёрнув шоры,
всё примечать. А о любви

писать тогда, когда не в силах
о Незнакомке умолчать.
Писать, покуда не остыла
любовь, и сорвана печать
со сжатых уст, и вдосталь пыла
столбцами испещрять тетрадь...

Об отчем крае не злословить
и панегирики не петь.
Да всуе Господа не стоит
упоминать. За это ведь
возможна кара (наше слово
как бумеранг, как хлыст, как плеть).

Инструментарий прост на диво:
Перо да в клеточку тетрадь...
Но Муза чересчур строптива...
Об этом после, вдругорядь.

ПАЛИТРА

Сожалею, что вам фиолетово
всё, о чём я так сладостно пел:
про причуды и беды поэтовы,
и взахлёб – о Мартынове Л.

Жаль, что вам серобуромалиново
то, над чем вечерами корпел.
Между нами непреодолимое
отчуждение душ, да и тел.

Вы и броская дама, и гарная,
и так ластится ваш креп-жоржет...
До столба, полагаю, фонарного
мой четвёртый по счёту сонет.

А когда произнёс поучительно:
Гумилёв – это не Могилёв, –
Вы назвали меня существительным,
я озвучить его не готов.

Вы закончили фразою смачною –
этим штилем не пишут новелл...
И поплёлся я прочь старой клячею,
не один, а с Мартыновым Л.

Самому мне бывает сиренево
почти всё, что узрел и воспел...
Почитать, что ли, на ночь Кенжеева?
Или лучше – Мартынова Л.?

НАСТАВЛЕНИЕ ПОЭТАМ, УПОВАЮЩИМ НА ВЁРСТЫ

Возьмите Это, даже если светом
залиты все доступные места
и переходы – вы возьмите Это –
не всяк об Этом может и мечтать.
.....
возьмите Это, даже если спеты –
нет, нет, не все, – но важные слова.
Коль словом трудно обозначить Это –
всего верней на вёрсты уповать...

Виктор Цеберябов

Напишите про Это,
Не пишите про То,
Это – кредо поэта,
всё иное – не то.

Передачей «Про это»
мы себя развратим.
Там – про дам полусвета
и про жёсткий интим.

У меня ж Это – это
горний свет высших сфер.
Вникнуть в мысли поэта
сможет Кант, например,

Аристотель и Ницше,
Фейербах, Гегель, Фрейд...
Может быть, сам... Всевышний
скажет: «Виктор – поэт».

Извините, поэты,
меня чуть занесло.
Но и вирши без Это –
это лишь ремесло.

Кто сказал, что из сора
наши строфы растут,
как лопух у забора? –
из словес они прут!

Вы возьмите словечко,
в омут слов погрузив,
чуть поплачьте о вечном, –
и готов эксклюзив!

09.05.2015

ПЕРИОД ДОЖИТИЯ

На столике – и пластырь и псалтырь.

М. Петровых

На столике – не Энгельс, а псалтырь,
в стакане – не портвейн, а минералка,
а в зеркале – не мóлодец, а хмырь,
не парус поднят – яхту держит чалка.

Всё верится, что совершу кульбит:
пойду под парусом, налью в стакан Агдама,
и «Анти-Дюринг» будет мной добит,
зеркал помолодеет амальгама.

Но прав сто раз Эфесский Гераклит,
что рёк про реку – суть общеизвестна.
Любой из нас в судьбу как будто влит,
всему есть время, и всему есть место.

Судьба и время – корпус субмарин,
и никуда не деться из подлодки,
а в алых парусах, товарищ Грин,
необходимости нет в нашем околотке.

Куда ж нам плыть? Каков последний галс?
Задраены навечно переборки?
Намедни мне был послан свыше глас:
Препоны не снаружи, а в подкорке.

РАЗНОСТЬ ПОТЕНЦИАЛОВ

Ах ты совесть моя, диссидентка!
Слышу твой протестующий глас.
Вопиешь из сердечных застенков,
чем тебя огорчил в этот раз?

Укоряешь меня и перечишь:
то не эдак и это не так.
О свободе не может быть речи,
жизнь моя – настоящий ГУЛАГ.

Велика разность потенциалов
между *льзя* и полярным *нельзя*.
Как бы совесть ни уничижала,
с ней, похоже, ровнее стезя.

Но пока не причислены к ретро,
не настиг нас последний недуг,
пусть зашкалят все разом вольтметры
от накала тех вольтовых дуг.

12.05.2014

САМОСУД

Душа и я... Мы ладили вначале,
без недомолвок жили и вранья.
Нас обходили многая печали,
и не кружили стаи воронья.

После прямой нас ждали повороты,
и перекрёстков множилось число.
Души моей ослабли укороты,
меня с прямой на бровку понесло.

Душа послушной падчерицей стала,
а я грубил как отчим: «Не перечь!»
Она была под тяжкою опалой,
а я не слушал праведную речь.

Вот так и жил, скользя по жизни бренной,
без сантиментов жизнь свою верша.
Но время шло, и вот настало время –
заголосила пленная душа.

Она кричала: «Человек, послушай,
живи как знаешь, Бог простит тебя,
но неспроста людей терзают души,
людскую совесть вечно теребя.

Ты заблуждаешься, наивно полагая,
что без меня отмерить сможешь срок.
От и́скуса тебя оберегаю,
не выставляй бездумно за порог».

Я внял мольбам, мы снова, как вначале,
жить стали без лукавства и вранья.
Уже не обходили нас печали,
немало стай кружило воронья.

Греха и святости, считай, наполовину,
но самосуд я над собой чиню:
за прегрешенья не виню судьбину
и обстоятельства, за всё себя виню.

УРОКИ ЧЕРЧЕНИЯ

Вижу тебя, золотое сечение –
мытарств моих поперечный разрез.
Вся моя жизнь – обстоятельств стечение
и обязательств надуманных пресс.

Строгим весьма был Учитель Черчения,
не беспричинно меня попрекал...
Знать, оттого моей жизни течение –
контур по граням шаблонных лекал.

Мной нарушались каноны черчения, –
Линч над собою чиню до сих пор...
Пустопорожни о прошлом речения,
как и банален о нынешнем ор.

Жить на Земле, несомненно, – фантастика!
И не беда, что грешил транспортир.
Мне не найти подходящего ластика –
ватман судьбы поистёрся до дыр.

ЭТЮД № 5

Настал октябрь... Светла Покрова гжель,
хотя не вся земля покрыта снегом.
Повсюду – серо-грязная пастель,
и па́берега не бела – а пега.

Местами смачно чавкает мокреть –
зима пришла, но злобствует вполсилы.
Ещё не срок России околеть,
не тот мороз, чтоб околеть России.

Пользителен мне тутошний мороз,
ведь я чалдон кержацкого подмеса...
До мая не услышу грозных гроз.
Опустошённо, серо и белесо.

Хотя я жизнь обворовал, как тать –
в сухом остатке ямбы да хореи, –
но на душе – покой и благодать, –
до Братска не дошли ещё бореи.

Мгновение хочу запечатлеть
без вычура ненатуральных красок,
не будоража колокола медь,
не надрывая беспричинно связок.

Сиюминутность эту сохранить,
не расчленять на «будет» и на «было».
Сучить словес рифмованную нить...
Я не звонарь, а мой язык – не било.

ЭТЮД № 4

Опять не получается закат,
очередной испорчен подмалёвок.
Набросок без страстей – из недомолвок –
не живописен, а аляповат.

А может, выйти мне пора на свет –
Сарьян не стал слепым от солнцепёка...
Взывать к сочувствию – банальна подоплёка
псевдомытарств, а не жестоких бед.

А может, в пику – обессмертить ночь
подобно академику Куинджи...
Но туба с охрой оказалась ближе,
на время сажу отставляю прочь.